

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
БАЗА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ СЕМАНТИКЕ РУССКИХ ЧАСТИЦ

К. Фабриц

1. В этом сообщении мне бы хотелось говорить о том, в силу каких причин функциональная эквивалентность /в дальнейшем: ФЭ/ может быть поставлена в основу обучения семантике русских частиц в венгерской аудитории.

Частицы — это часть речи, восходящая к различным другим частям речи, в том числе к глаголам /ведь, знай, мол/, наречиям /уж, еще, просто/ и союзам /и, да, же, даже/. Трудность понимания и усвоения семантики частиц объясняется как раз тем, что данный разряд слов совмещает в себе как некоторые элементы значения производящего слова, так и семы, присущие ему как частице.

Частицы выражают отношение говорящего к содержанию высказывания. При усвоении значения какого-либо знаменательного слова мы опираемся на свои знания о внеязыковой действительности. При изучении же частиц улавливание смысла конструкции, содержащей частицу, предполагает более сложный процесс восприятия. Различные "добавки" интеллектуального содержания к содержанию предложения облекаются в такую форму, которая с большим трудом поддается лингвистическому анализу. Как известно, частицы характеризуются асинтаксичностью /т.е. они не входят в рамки членов предложения/, и в то же время они находятся во власти синтаксического употребления /т.е. их значение актуализируется лишь внутри предложения/.

2. Зависимость актуального функционирования частицы от семантической организации предложения /а нередко даже от текста/ объясняет недостаточное толкование частиц в толковых словарях. Так, например, частицы разве и неужели в словарях русского языка толкуются одна через другую, что вряд ли поможет их усвоению иностранцами, поскольку эти лексемы в функционально-семантическом плане никогда не бывают точными эквива-

лентами. Если же студент обратится к двуязычным словарям, то эквиваленты этих слов приведут его к оформлению таких предложений, как * "Разве кто был здесь?" или * "Неужели который час?", по аналогии предложений "Vajon ki volt itt?", "Vajon hány óra van?".

Из этих примеров видно, что частицы не обязательно имеют точные соответствия в других языках, так как они составляют специфику одного языка, объяснимую лишь в рамках данного языка. Однако, если иметь в виду высокую частотность употребления частиц в русском языке, особенно в разговорной речи, где они составляют почти одну треть всех словоупотреблений, то ясно будет, почему в спецсеминаре по русской разговорной речи большое место должно быть уделено изучению русских частиц.

Поскольку анализ значения частиц при помощи прямого их перевода на венгерский язык по упомянутым выше причинам не представляется плодотворным, придется прибегнуть к такой теоретической базе, которая способствует выявлению специфики актуального функционирования частиц. При этом важно отметить положительную и отрицательную стороны такого решения проблемы, сущность которого проиллюстрируем на простом примере.

3. Каждый студент, в активном или пассивном запасе слов которого имеется русская частица даже, переводит ее на венгерский язык словом sőt. Однако, если он должен употребить даже в предложении и перевести его на венгерский, то даже, как правило, не будет входить в состав венгерского предложения в форме sőt. Обнаружение эквивалента в венгерском языке достигается установлением функционально-семантической специфики частицы даже и определением функционально эквивалентного решения в венгерском¹. Данный процесс схематически представлен в следующем виде:

Схема 1.

/1/ Даже Иван выучил урок.

Парафраза: а/ "От него вряд ли можно было ожидать это"
б/ "Все остальные тоже выучили урок"

Определение сем парафразы в условиях функции:

а/ = предел

б/ = включение

Подбор эквивалентов по функции:

предел = még

включение = is

Порождение предложения:

Még Iván is megtanulta a leckét.

Проверка перевода на основе сравнения парафраз:

а'/ "Тõле ez aligha volt várható"

б'/ "A többiek is megtanulták a leckét"

ФЭ отражает отношение равнозначности роли двух элементов, и в этом заключается ее преимущество: ФЭ устанавливается в связи с актуальным употреблением частицы, т.е. она не охватывает всю семантику частиц. Из этого следует, что при изменении актуального применения даже или сочетания még ...is должна фигурировать другая разновидность ФЭ и, возможно, другой перевод, как это показано на схеме 2:

Схема 2.

/2/ <u>Это даже великолепно!</u>	→	⁺ <u>Ez még nagyszerű is!</u>
функция: предел		<u>Ez egyenesen nagyszerű!</u>
/3/ <u>Még almát is ettem.</u>	→	⁺ <u>Я ел даже яблоко.</u>
функция: добавление	→	<u>Я ел еще и яблоко.</u>
включение		

Итак, ФЭ сигнализирует не только об отношении равноправия между рассматриваемыми единицами², но ее односторонность может быть использована также в целях выявления изменения в функционировании изучаемой единицы.

Что касается конкретного применения ФЭ при обучении семантике русских частиц, то опыт спецсеминара в венгерской аудитории по особенностям русской разговорной речи убеждает

нас в том, что ФЭ есть надежный подход к обнаружению семантики частиц.

В рамках занятия меняются две взаимосвязанные стратегии. С одной стороны, определение значения конструкции с частицей осуществляется путем выявления ее функционально-семантической специфики. Это предполагает адекватное понимание /толкование/ смысла конструкции. Вслед за этим следует отыскивание возможных венгерских соответствий и взвешивание степени приемлемости той или иной конструкции, ср.:

Схема 3.

- /4/ — Я ничего не понимаю.
— Разве вы не читали приказ гетмана?
— Читал.

разве

а/ сомнение

б/ потенциальное предположение } hát

перевод: Hát nem olvasta a parancsot?

- /5/ -- Разве взять отпуск?

разве

а/ размышление

б/ колебание

vajon /+ -e/

перевод: Vajon vegyek /e/ ki szabadságot?

- /6/ Уж он ходил, ходил... нет!
не может найти дороги...

уж

интенсивное проявление признака } csak

перевод: Csak ment, ment... az utat nem találta...

- /7/ — Как ты думаешь, не простудится он?
— Уж не простудится! Тепло же!

примирение	— <u>Он все время на мотоцик-</u>
аргументация	<u>ле катается.</u>
беспомощность	— <u>Что поделаешь? Такой уж</u>
	<u>возраст. Все в этом воз-</u>
	<u>расте доставляют родите-</u>
	<u>лям неприятности.</u>

Трудность создания подобных микроконтекстов вызвана тем, что при придумывании диалогов студенты должны учитывать не только степень приемлемости вставляемой конструкции с анализируемой частицей, но также обращать внимание на естественность и приемлемость всего микроконтекста в целом.

4. Выбор ФЭ как теоретической базы связан не только с методологическими рассуждениями. Взаимосвязь функции и значения частиц — вопрос, которому в лингвистике уделялось пока мало внимания. В литературе наблюдается произвольное применение терминов "функция" и "значение" по отношению к частицам. Характерно, например, что в работах о частицах авторы говорят о значениях усиления, выделения, подчеркивания и т.п., тогда как эти понятия касаются скорее функции, а не значения частиц. Вспомним в этом отношении замечание А.П. Володина и В.С. Храковского о расплывчатости и нетерминологичности таких высказываний, как "придание речи выразительности и напряженности" или "увеличение смыслового веса слов", которые являются столь характерными для определения функции усилительных частиц: "Мы, честно говоря, не знаем, что такое "выразительность" и "напряженность" речи с лингвистической точки зрения и не имеем каких-либо критериев, помогающих установлению их наличия или отсутствия"⁴.

Разграничение функции и значения частиц затрудняется тем, что слова данной части речи представляют собой такой разряд, которому свойственна определенная "десемантизация"⁵. Хотя этот термин мы считаем не совсем удачным ввиду того, что он предполагает утрату, а не изменение семантики, описание десемантиза-

ции все-таки обращает внимание на важное явление, сущность которого заключается в переходе слова /этимона/ с номинативной семантикой в слово с коннотативной семантикой. Другими словами, о десемантизации частицы уместно говорить, если мы сравниваем долю денотативного значения мотивирующего слова с отсутствием денотата в значении частицы. Если этимон называется, то частица выражает. Это свойство семантики частицы и есть причина смешивания функции и семантики.

Под значением частицы мы понимаем тот семантический инвариант, который наличествует во всех употреблениях данного слова и который непосредственно связан с семантикой мотивирующего слова. Значение частицы — это продолжение значения этимона, отличающееся от него выдвиганием на передний план субъективно-модального элемента семантики. Под функцией же понимается актуальная реализация данного значения, направленная на внесение в смысл предложения того или иного проявления отношения говорящего к содержанию высказывания, к собеседнику, к акту коммуникации вообще. Таким образом, функция частицы сводится к выражению различных субъективно-модальных отношений говорящего, опирающемуся, с одной стороны, на инвариантное значение частицы, и, с другой, — на грамматическое оформление и коммуникативную направленность предложения.

Вместо подробного анализа соотношения значения и функции частицы /данная задача выходит за рамки статьи такого объема/, здесь остановимся лишь на одном примере, иллюстрирующем указанную взаимосвязь.

Как известно, лексема только в литературе отнесена к частицам /реже, в неславянской лингвистике/ к наречиям меры и степени. В этом употреблении только представляет собой универсальный логический оператор. В различных контекстах его значение можно перефразировать, например, так: 'не все', 'никто другой', 'ничто другое' и т.д. в зависимости от типа связи только с различными членами предложения. Функцию только при таком употреблении можно определить как выражение ограничения,

ср.:

/12/ Только Маша пришла

'Никто другой не пришел'

'Не все пришли'

'Ничто другое не произошло'

При переходе слова только в разряд субъективно-модальных частиц в его значении происходит любопытное изменение: значение ограничения сохраняется, однако оно воспринимается как бы с противоположным знаком, т.е. ограничение уступает место значению п р е д е л а. При этом функцию частицы в различных контекстах и сочетаниях можно расценивать по-разному, в зависимости от актуального коммуникативного содержания предложения.

Так, в предложении /13/ только участвует в выражении отчаянности говорящего, возможно, осложненной призывом к сочувствию, тогда как в примере /14/ функция данной частицы скорее сводится к выражению, скажем, опасения или боязни /для точного определения актуальной функции требуется более широкий контекст/, ср.:

/13/ Каких только болей нет в старых костях: и нытье и ломота...

/Паустовский/

/14/ — Подумать только! — опять, но уже печально воскликнул Гривнин. — В такое утро где-то там в Белоруссии...

/Федин/

Семантическое сходство использования только в предложениях /13/ и /14/ проявляется в общности наличия значения 'предел', а функциональная разность вытекает из специфики грамматического оформления того или иного предложения /ср. своеобразие размещения и сочетания частицы только в данных примерах/.

Из вышесказанного следует, что при переводе предложений с модальными частицами исходным пунктом нужно считать функцию, а не значение частицы. Значение частицы содержит соотноситель-

ные элементы /семы/ семантики того слова, к которому она восходит. Совпадение или, по крайней мере сходство в двух языках этимологического пути тех или иных слов при превращении в частицы — явление весьма редкое⁶. Еще реже встречаются такие частицы в двух языках, которые более или менее совпадают не только с точки зрения их значения, но также и в сфере выполняемых ими функций.

Поэтому перевод предложений с частицами предполагает предварительное выявление функционального своеобразия переводимого предложения с частицей, на основе которого можно отыскивать потенциальные эквиваленты.

В свете вышесказанного дальнейшие исследования в области перевода частиц должны, на наш взгляд, быть направлены на детальное изучение соотношения значения и функции отдельных частиц, а также и на выявление тех "единиц измерения", которые могут быть поставлены в основу определения степени эквивалентности между переводимым предложением и предложением-оригиналом.

Примечания

1. Подробнее о предпосылках теории функциональной эквивалентности см., напр.: Gerald A. Sanders. Equational Rules and Rule Functions in Syntax. — In: Syntax and Semantics. Vol. 13: Current Approaches to Syntax. Academic Press, 1980, pp. 231—265.
2. Различные типы отношения функциональной эквивалентности описаны в статье И.В. Арнольд. Эквивалентность как лингвистическое понятие. — ИЯШ, 1976, № 1, с. 11—18.
3. Ср. соответствующие упражнения по учебнику А.Н. Васильевой: A.N. Vasilyeva. Particles in Colloquial Russian. М., 1973.
4. А.П. Володин, В.С. Храковский. Опыт анализа семантико-синтаксических свойств усилительной частицы же /ж/ в императивных конструкциях. — В кн.: Семантика служебных слов. /Межвуз. сборник научных трудов./ Пермь, 1982, с. 25.
5. Подробно см.: К.Э. Штайн. О статическом и динамическом аспектах функционирования субъективно-модальных частиц. — Неполнозначные слова. Вып. 2, Ставрополь, 1977, с. 55—64.
6. Наиболее полное функционально-семантическое совпадение мы обнаружили в употреблении русской частицы ли и ее венгерского эквивалента частицы -e, см.: К. Фабриц. Частица ли в русских вопросительных предложениях и ее венгерский эквивалент, частица -e. — In: Dissertationes Slavicae, XIV, Szeged, 1981, pp. 181—213.